

ФАКТОРЫ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ

Более двух столетий причастия – переходные единицы языковой системы – неизменно остаются в фокусе внимания грамматистов. Изучение комплекса «причастных проблем», в том числе синтаксической синонимии причастных оборотов и придаточных определительных частей сложного предложения, имеет давнюю лингвистическую историю и продолжается в рамках современной научной парадигмы, впитавшей в себя достижения как формального, так и содержательного подходов к изучению русского языка. Вместе с тем стиле- и текстообразующая роль причастий (на фоне активного изучения их семантики и грамматических свойств) все еще остается малоизученной. Анализ же индивидуально-характеристических тенденций употребления причастий и установление факторов, ограничивающих синтаксическое варьирование причастных и предикативных конструкций, позволили бы уточнить специализацию причастий и существенно дополнить описание грамматической системы русского языка, в которой причастиям во всем разнообразии их формальных проявлений отводится особое место.

Значимость причастия как конструирующего – смыслового и стилового – компонента предложения и текста убедительно раскрывает прием грамматического преобразования предложения в направлении «причастная форма → предикативная форма глагола». Неоспоримое преимущество «метода синтаксического развертывания», основанного на понятии функциональной синонимии и предполагающего «замену определительных словосочетаний синонимичными им придаточными предложениями» [2, с. 82], состоит в том, что он позволяет соотнести различные средства выражения действия и оценить их функциональную значимость.

Как известно, ценность синонимических синтаксических конструкций определяется их различиями, что проявляется в неспособности конструкций к взаимозамене в определенных контекстуальных условиях. Поэтому установление факторов, ограничивающих такое синтаксическое варьирование (видоизменение), позволяет сделать вывод о значимости причастий как строевых компонентов, регулирующих развертывание высказывания и текста и обеспечивающих корректное декодирование информации.

Поскольку именно художественному тексту как «активному участнику одной из самых совершенных форм коммуникации, когда-либо созданных человеком» придается первостепенное значение [4, с. 4], мы обратились к художественной прозе В. Набокова. Выбор этого автора не случаен: В. Набоков – писатель, чье творчество характеризуется обостренным

вниманием к языку и возможностям слова. Кроме того, его русскоязычные романы¹ объединяет чрезвычайная насыщенность как регулярными, так и малоупотребительными причастными формами.

Как показало наше исследование, из 6618 причастий-словоупотреблений, зафиксированных нами в указанных романах В. Набокова, 2917 (или 44,1%) можно свободно, без смещения смысловых и/или стилистических акцентов исходных высказываний, заменить предикативными формами глаголов. Большую же часть (3701, или 55,9%) составляют причастия-словоупотребления, не допускающие предикативной репрезентации действия, имеющие так называемый нулевой трансформационный потенциал. Однако это не означает, что причастия используются автором преимущественно с целью расширения собственно атрибутивных линий (в *адъективных*², по терминологии И.К. Сазоновой, лексических значениях). В витиеватой, предельно описательной, синтаксически перегруженной набоксовской прозе причастные конструкции часто оказываются «контекстуально связанными», зависимыми компонентами контекста, а потому не всегда легко, без семантических и/или стилистических потерь, преобразуются в предикативные конструкции.

Причины, ограничивающие синтаксическое развертывание предложений, сводятся к двум основным факторам: *текстовому* (I) и *семантическому* (II). Текстовый фактор объединяет ряд *функционально-синтаксических* и собственно *структурных* причин. Семантический фактор связан с использованием причастий в адъективных (реже – *стативных*³) лексических значениях.

I.1. Функционально-синтаксические причины.

Грамматическому преобразованию предложения препятствует употребление причастия:

– в функции одиночного препозитивного определения, используемого автором с целью художественной выразительности, создания словесного образа (как правило, в качестве метафоры) (*[...] и между ним и Машенькой было верст пятьдесят гудящего тумана* («Машенька»));

– в функции постпозитивного определения при семантически нечленимых словосочетаниях или сочетаниях с несогласованными определениями, где оба субстантива – или в форме ед. ч. (оба или м.р., или ж.р.), или мн.ч. (*[...]на светлых скатах морских волн мягко мелькали зеленые тени людей,*

¹ Нами были выбраны русскоязычные романы В. Набокова «Машенька», «Защита Лужина», «Подвиг», «Дар» и «Лолита». Кроме того, для иллюстрации отдельных положений приводятся контекст-примеры из мемуарной книги В. Набокова «Другие берега».

² Причастие в адъективном лексическом значении обозначает действие или состояние как признак, свойство в отвлечении от временной приуроченности [Сазонова, с. 10]. Оно лишь используется в значении прилагательного, но таковым не является: сохраняя глагольную семантику, оно не обозначает свойственный имени прилагательному предметный признак.

³ Если конструкцию с причастием, употребленным в адъективном значении, трансформировать практически невозможно, то конструкция с причастием в стативном значении может быть преобразована в предикативную. Причастие в стативном лексическом значении обозначает состояние, результат действия и не выражает грамматического значения страдательности. Стативные значения причастий не выходят за рамки глагольной семантической зоны [Сазонова, с. 10].

облокотившихся у борта («Машенька»). Или: *На другое утро я первым делом обследовал клочки писем, оставшиеся у меня в кармане («Лолита»);*

– в составе сказуемого или деепричастного оборота (*В один из [...] дней с бедным фокусником случился на улице сердечный припадок, и, найдя его лежащим на тротуаре, неразборчивая полиция посадила его в холодную с десятком пьяниц («Другие берега»).*)

I.2. Структурные причины. Причастные конструкции, как правило, не преобразуются в предикативные, если причастия употребляются:

– в предложениях, где есть контактно расположенные предикативные корреляты (причастие, противопоставляемое предикативной форме, дает автору возможность стилистического маневра) (*[...] с тихим вниманием следил юноша [...], чем-то действительно напоминавший Федора Константиновича: он напоминал его не чертами лица [...], но тональностью всего облика [...]* («Дар»)).

– в предложениях, где есть контактно расположенная придаточная определительная предикативная часть (или части) с союзным словом *который* (*Когда Мартын вошел в надоевший сад гостиницы, он увидел Юрия Тимофеевича, стоящего у теннисной площадки, на которой шла довольно живая игра между двумя юношами («Подвиг»).*)

– в составе нанизывающихся причастных оборотов (*[...] я сжимал [...] сеткой обтянутую грушу, сообщавшуюся с бледно-серым шнуром, ведущим к нему («Другие берега»).* Здесь возможно преобразование одной из двух причастных конструкций: или с формой *сообщавшуюся*, или с формой *ведущим*);

– в ряду однородных согласованных или несогласованных определений (*В долгожданный день [...] явился Валентинов, такой же веселый, громкий, великолепно одетый, и за ним пухлый молодой человек с усиками («Защита Лужина»).*)

– в предложениях, в которых имеются различные контактно расположенные обстоятельства, сравнительные обороты, распространяющие причастную конструкцию и все предложение таким образом, что при преобразовании нарушается целостность содержания исходного предложения (*А вагон погрохатывал, поезд несся между дымившихся торфяных болот в желтом потоке вечерней зари [...]* («Машенька»)).

– в предложениях, в которых в случае грамматического преобразования создается ряд «ложных» однородных сказуемых – сказуемых, относящихся к одному субъекту (вместо двух) (*Некоторое время Вадим тихо ехал вдоль самой панели, положив руку на плечо к Дарвину, шедшему рядом, а потом суетливо простился и быстро отъехал, производя губами звуки испорченного гудка («Подвиг»).* **Некоторое время Вадим тихо ехал вдоль самой панели, положив руку на плечо к Дарвину, который шел рядом, а потом суетливо простился и быстро отъехал, производя губами звуки испорченного гудка.*)

II. Семантические причины. Причастные конструкции не преобразуются в предикативные, если причастия используются в адъективных или (реже) стативных лексических значениях. Например: *Оно [человеческое лицо]*

двинулось, скользнуло прочь, но оба они успели узнать рыжеватые вихры и выпученный рот сына сторожа [...] («Машенька»). Страдательное причастие *выпученный* реализует адъективное значение [5, с. 81]. [...] *Лужин старший, уверенный, что это будет и весело, и полезно, обратился к двум знакомым [...] («Защита Лужина»).* Причастие *уверенный* употреблено в стативном значении ‘твердо верящий во что-л., убежденный в чем-л.’ [5, с. 479].

Нередко синтаксическому разворачиванию предложения препятствует совокупность причин.

Невозможность преобразования причастных конструкций в предикативные вследствие ограничений, накладываемых контекстом (функционально-синтаксических и в большей мере структурных причин), свидетельствует о собственной – конструктивно-текстовой – специализации причастий. Причастные формы очень часто оказываются для homo scribens не просто необходимым, но незаменимым, «единственно верным» языковым средством. Как метко заметил А.М. Пешковский, там, где причастия действительно нужны, «сам глагол должен покорно опустить перед ними голову» [3, с. 110].

Выявление причин непреобразуемости причастных конструкций в предикативные (на материале художественной прозы писателя/-ей) позволяет реконструировать мотивы авторского предпочтения одной конструкции при наличии грамматических синонимов и оценить сделанный автором выбор. Кроме того, данная аналитическая процедура (разворачивание предложения в направлении «причастная форма → предикативная форма глагола»), осуществляемая не столько с целью грамматической семантизации причастий, сколько с целью установления собственно возможности/невозможности синонимической замены и факторов, ограничивающих такое синтаксическое варьирование, на материале текстов различных авторов очерчивает, как нам представляется, новые грамматические и стилистические аспекты исследования идиостилей [6], поскольку сложная система глагольных форм (их связи и взаимодействие) свидетельствует о сходствах и различиях в степени расчлененности содержания при отражении действительности, отражает особенности художественного мышления авторов.

Литература

1. Волынец, Т.Н. Грамматический феномен причастия. – Минск, 1998.
2. Грушевая И.Л. Коммуникативная значимость сложнопричастных слов как универбированных образований // Семантические аспекты синтаксиса: сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Д.Г. Богусевич, А.М. Шахнарович. – М., 1989. – С. 81–85.
3. Пешковский, А.М. Избранные труды; подг. к печ. И.А. Василенко, И.Р. Палей. – М., 1959.
4. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Елец, 2002.
5. Сазонова, И.К. Русский глагол и его причастные формы: толково-грамматический словарь. – М., 1989.

6. Скворцова, Н.Н. Особенности лексико-грамматического содержания причастий в художественном тексте (на материале романов В. Набокова и Г. Газданова) / Русский язык и литература. – 2008. – № 9. – С. 58–64.